

ного совершенства, молодости и бессмертия. Прибавим к перечисленному страсть к развенчиванию и «разрыву» исторической преемственности, культ бездушия и цинично-манипулятивного отношения к Другому, а также отказ от деятельного участия в общественной и политической жизни — и готов «портрет» «типичного» человека современности, которого называют неонарциссом (Липовецки, 2001).

Расцвет культуры «psy» (или нарциссизма) как движение в сторону психологизации общественной жизни был спровоцирован (в том числе) «затуханием» революционных и либеральных процессов шестидесятих годов на Западе, нарастанием социального и политического пессимизма и вызвал ценностный поворот к индивидуализму, к простым радостям приватной жизни, к предпочтению обыденного и персонального, приоритета переживания-осознавания Я перед социальным поступком, отказ от регламентации, порядка и «сухой» рациональности. Спустя полвека, правда, оказалось, что «психологическая реальность» с ее заботами об улучшении качества жизни, духовном и телесном самосовершенствовании выглядит «суррогатом», не приносящим истинного удовлетворения. И современный человек вынужден прибегать ко все новым и новым суррогатам, тем самым создавая все новые виды аддикции, стремясь избежать внутренней пустоты, пытаясь наполнить Я хоть каким-то смыслом. В то же время активные деятельные отношения человека с социумом все больше подменяются их виртуальным подобием, а реальное саморазвитие — разнообразными эгоцентрическими практиками самосовершенствования и самоудовлетворения.

* * *

Несколько слов о структуре этой книги. В первой части книги нами представлены исследования, выполненные в течение двух последних десятилетий, парадигмой которых служил синтез идей культурно-исторического развития Л.С. Выготского и теорий отношений современного психоанализа. В самом общем виде самоидентичность в этих работах понимается как своего рода высшая психическая функция, знаково-символически опосредствованная, развивающаяся в своей внутренней организации в сторону единства «аффекта и интеллекта», когнитивных и аффективных со-

ставляющих и раскрывающая свои сущностные характеристики и функции в разных контекстах отношений Я–Другой.

В своих, уже ставших классическими работах, Э. Эриксон определял самоидентичность прежде всего как *психическое переживание*, «вдохновенное ощущение тождества и целостности, интенсивное и глубокое ощущение собственной силы и активности, стойкости и веры в то, что внешние обстоятельства помогают и поддерживают, но не полную уверенность в последнем, предполагающую решимость (порой горькую) все преодолеть» (Эриксон, 1996, с. 28). Следуя этой мысли, мы акцентируем в самоидентичности прежде всего ее интрапсихическую феноменологию; как переживание и своего рода «психическая реальность» она в своем полном выражении обладает определенными субстанциональными и устойчивыми свойствами, атрибутами, а именно: витальностью, субъектностью, «авторством», а также признанием себя частью некоторой культурной общности и одновременно автономной индивидуальностью, способной к преодолению многообразных жизненных фрустраций и утрат. Самоидентичность предполагает также осознание собственного единства и внутренней связности психических переживаний («гармонии»); чувство самоидентичности во временных и пространственных контекстах; осознание различий в непосредственно переживаемом и «зеркальном» Я. Особый акцент в концепции Э. Эриксона на достижении в процессе развития устойчивости Я в значительной степени был продиктован той социокультурной ситуацией, в которой оказалось западное интеллектуальное сообщество после Второй мировой войны. Тем не менее, как нам представляется, эпигенетическая концепция развития самоидентичности, анализ социокультурных ситуаций возникновения ее кризисов и сегодня сохраняют научную ценность для понимания самоидентичности в единстве эволюционных и консервативных процессов, рождения, изменения, стабилизации и утраты Я.

Говоря о субстанциональности базовых измерений самоидентичности мы подчеркиваем только универсальность категории «структуры» в психологии, но не отрицаем важности категорий «динамичности» и «развития», полагая, что самоидентичность в психологии может быть понята по аналогии с пониманием психики как «функционального органа» у А.А. Ухтомского и Л.С. Выготского, что для нас означает представление о самоидентичности

как системно организованной и развивающейся в определенном культурном контексте высшей психической функции, в процессе развития обретающей свои контуры, границы, конфигурации и внутри- и внесистемные связи, относительно стабильную структуру и потенциал внутреннего развития. Именно поэтому, в частности, в наших исследованиях нам было важно проследить, каким образом противоречивость, неопределенность и «запутанность» макро- и микросоциального окружения с конфликтами, неясными двойственными межличностными отношениями, правилами и ценностями содействует формированию диффузной интрапсихической структуры самоидентичности; последняя же по механизму порочного круга вновь проецируется в социальные отношения.

Следует отметить, что клинические феномены нестабильности, диффузности или нарциссически «непроницаемой» грандиозности Я развиваются на фоне возрастающей ситуации социокультурной неопределенности, и в этом смысле могут быть поняты как ее порождение, как своего рода «культурная патология» (А.Ш. Тхостов) общественного сознания. Это значит, что сами клинические феномены требуют более пристального изучения именно со стороны культурных механизмов их порождения и поддержания.

Важно подчеркнуть также, что в унисон с мыслью Л.С. Выготского о необходимости изучения становления социализированной личности в единстве ее познавательного и эмоционального развития, прозвучали для нас и идеи Х. Вернера о закономерностях развития живых систем, и в этом же контексте были «перечитаны» идеи гештальт-психологии и их реализация в экспериментальных исследованиях перцептивного стиля Германом Виткиным. Теория дифференциации–интеграции позволила нам понять прогрессирующее системное развитие самоидентичности как процесс внутрисистемного усложнения и иерархизирования ситуативно-изменчивых и эмоционально-нагруженных образов Я, установления личных пространств и границ во взаимодействии Я–Другой. Подобные концептуализации проблемы стали доступны благодаря исследованиям, начало которым было положено нами еще в далекие 60–70-е годы прошлого столетия в связи с интересом к проблеме «пристрастности» восприятия, «искажениям» образа Я и образа Другого под влиянием аффективных состояний и «неопределенности» окружающих условий. Этот хронологически первый этап наших исследований самоидентичности, основные результа-

ты которого изложены в части II этой книги, начинался в рамках деятельностно-личностной парадигмы сознания А.Н. Леонтьева с изучения актуалгенеза и микроструктуры образа Я путем создания своего рода необычных «инвертированных» условий самовосприятия в квазиэкспериментальных ситуациях неопределенности с помощью разного рода проективных и квазиэкспериментальных процедур. В этих ранних, проведенных в 1980-е годы, циклах исследований, удалось обнаружить явление крайней нестабильности образа Я, связанной с некоторым устойчивым паттерном характеристик когнитивных и эмоциональных процессов, а именно, когнитивной недифференцированностью, полезависимостью, «самообманными» стилями регуляции самоотношения и самооценки, эмоциональной неустойчивостью и стрессодоступностью, при отсутствии высокоорганизованных и осознанных (копинговых) стратегий саморегуляции. Дальнейшие исследования, проведенные на репрезентативных выборках, с применением статистики и качественного феноменологического анализа и анализа отдельных клинических случаев подтвердили, что нестабильность образа Я является системным нарушением единства и целостности трех «пластов», или уровней самосознания — чувственно-телесного, значения и смысла. Не являясь узко клинически специфичными, явления нестабильности и расщепления структуры образа Я обнаруживаются при широком круге психических расстройств и нарушений поведения, являясь для них «ядерным» симптомом. В качестве психологических механизмов постоянного воспроизводства и поддержания нестабильности интегрального образа Я как центрального симптома расстройства личности, исследовались как внутриличностные установки (когнитивно-аффективный стиль), так и средовые культурные контексты (стиль семейных отношений, отношения со значимым Другим, сексуальное, социальное или психологическое насилие), позволяющие реконструировать актуал- и культурно-исторический генез расстройств самосознания. Этому были посвящены работы автора с 1976 по 2013 годы. Современные психоаналитические исследования также оказались необычайно созвучны нашему интересу к мотивационным и когнитивным источникам тех порой драматических субъективных «искажений», которым подвержены представления («репрезентации») об интимных и значимых человеческих отношениях. В значительной степени обогащенные достижениями когнитивной

психологии, они в последние десятилетия развивались в направлении все более тонкого понимания единства и взаимопроникновения социокультурных и внутриспсихических преобразований, посредством которых достигается (и разрушается) так называемая константность Я и внутреннего объекта, организованность и устойчивость репрезентаций Я и значимого другого (М. Кляйн, М. Малер, О. Кернберг, В. Бион, П. Фонаги).

Подведем итог. В мировой психологической литературе проблема самоидентичности утвердилась со второй половины XX века, но далеко не так бесконфликтно обстоит дело в отечественной психологии. Для экспериментально ориентированной отечественной психологии этого же периода даже проблематика самооценки представлялась философски и идеологически перегруженной и отчасти даже «андерграундной», поскольку предполагала обращение к таким понятиям, как «самость», «субъективное переживание», «индивидуальность» и прочее, что в неявном виде означало введение в научный контекст изучение области бессознательного (т.е. «неверифицируемого» и «ненаучного»). К тому же вся проблематика личности все-таки не относилась к центральным направлениям психологической мысли. В культуре с господствующей моноидеологией коллективистического общественного сознания утверждение индивидуального самоопределения и самооценности трактовались как проявления крайнего индивидуализма и эгоцентризма, «ячества» («Я — последняя буква в алфавите», — учили детей), а социализация понималась преимущественно как движение с одним вектором. Тем не менее, с конца 1960 годов наступила эпоха «открытия» проблематики самосознания для психологии (И.И. Чеснокова); благодаря более глубокому прочтению трудов Л.С. Выготского и исследований становления самооценки в детском возрасте (Л.И. Божович, Е.И. Савонько, М.С. Неймарк, А.В. Петровский, В.С. Мухина и др.), публикации работы И.С. Кона «Открытие Я» эта область исследований получила «прописку» в российской психологии. Особую роль в возрастании интереса к проблемам самосознания и самоидентичности сыграли перестройка и смена общественно-политического устройства России в 1990 годы, вновь поставившие под вопрос традиционно сложившиеся общественные и персональные самоидентификации. С распространением идей постмодернизма все больше сторонников находит точка зрения, согласно которой проблематика самоиден-

тичности «изжила себя» или, по крайней мере, нуждается в новой формулировке с учетом современных культурных реалий, в частности, предлагается заменить понятие самоидентичности понятием полиидентичности. Автор этой книги не разделяет данную точку зрения. Утверждение в качестве одного из важнейших качеств самоидентичности ее «константности» (обеспечиваемой ее структурной организацией) вовсе не предполагает отрицания ее внутреннего развития и изменения как системного образования; напротив, само сохранение ее относительной устойчивости достигается лишь в процессе развития, как достижение в становлении когнитивно-символической и мотивационно-ценностной системной организации личности. Оба процесса — становление и сохранение — здесь рассматриваются как необходимые, диалектически взаимосвязанные и взаимопереплетающиеся моменты саморазвития: если качества структуры обеспечивают относительное постоянство Я, то функционально-инструментальная подвижность создает возможности вариативного развития в соответствии с социокультурным контекстом.

Далее следует различать такие грани зрелой идентичности как структурную «устойчивость» перед лицом травматических внешних воздействий и сильных аффективных переживаний и кризисов (как осознаваемую и относительную независимость от «поля», неслияние с ним) от ригидной нарциссической непроницаемости как защитной инкапсулированности и самоизоляции, своего рода иллюзорной «завесы» от живой, но субъективно непереносимой жизни. Последнее означает смерть или утрату Я; дальше оно может существовать только как надуманное, вымышленное, фальшивое, но изнутри пустое или девитализированное.

Представленные в этой книге исследования поднимают ряд и других дискуссионных вопросов. Так, например, это касается некоторых видов социальных практик, в отношении которых психология расходится в трактовке как происхождения и механизмов, так и ценностно-мотивационной регуляции. Маккиавеллизм и реализующие его манипулятивные стратегии — являются ли они свидетельством высокого социального интеллекта, личностной зрелости, качества и уровня социальной адаптации? В исследованиях, начатых нами в 1980-х годах (Соколова, 1989) и продолжавшихся все последующие годы, мы склонны рассматривать данный тип социальных отношений как проявление особой

«дефицитарности» самоидентичности, «недостатка» развития морального уровня самосознания, ценностно-смысловой регуляции человеческих отношений. Следствием его «отсутствия» становится крайний индивидуализм, нравственная деградация, дегуманизация человеческих отношений, их сугубо утилитарный, «потребностный» уровень регуляции. По своей психологической природе манипуляция представляет собой скрытую и замаскированную враждебность, разновидность психологического насилия, результирующего в своем пределе в деструкцию — Другого или/и самого себя.

Не случайно также, что одна из глав этой книги включает публикации, отражающие результаты выполненных в разные годы исследований некоторых граней психотерапевтического процесса с людьми, чьим главным страданием являлись мучительная неуверенность в собственном Я (несмотря на неустанные попытки скрыть эти страдания под маской нарциссизма) и глубокая неудовлетворенность человеческими отношениями, полными переживаний «предательств» и «потерь».

На сегодняшний день исследователи психотерапии в целом склонны признавать качество психотерапевтических отношений главным и неспецифическим фактором, определяющим эффективность любого вида психологической помощи. Мета-анализ исследований, посвященных сравнительной оценке личностной динамики пациента-клиента в различных психотерапевтических практиках, каждая из которых теоретически описывает цель и прогноз результатов в отличающихся терминах, приводит к выводу о фактической эквивалентности достигаемого терапевтического эффекта. Вместе с тем, в исследовательском инструментарии оценки сравнительной эффективности психотерапевтических практик на сегодняшний день отсутствуют тонкие процедуры учета индивидуальных и клинических особенностей пациентов, мало применяются методы качественного анализа содержательной стороны терапевтических отношений, терапевтических рамок и индивидуального стиля работы терапевта, а также закономерностей течения (процессуальности) терапии. Недостаточно внимания уделяется изучению специфических личностных особенностей клиентов, обращающихся за консультативной и психотерапевтической помощью, а также специальных установок и профессиональных навыков терапевта, содействующих эффек-

тивной психотерапевтической динамике или препятствующих ей. Речь идет, в частности, о пациентах (или клиентах) с выраженными нарциссическими чертами со специфическими констелляциями защитных механизмов и копингов, паттернов отношений Я–Другой, структурой самоидентичности и когнитивной организацией сознания. С целью предотвращения преждевременного прерывания психотерапии диагностика и скрининг клиентов с погранично-нарциссической личностной организацией должны составлять самостоятельное направление консультативной практики психолога на первых инициальных фазах консультирования. В частности, эта задача может реализоваться при уточнении мотивации обращения, конкретизации и оценке реалистичности запроса; ее ясным маркером служит возможность выработки «рабочего альянса» и терапевтического сеттинга в целом. Так называемые рентные установки детерминированы сущностными характеристиками личности некоторой части пациентов, обусловлены нарциссической и пограничной личностной организацией. Они отражают присущие последним слабое чувство реальности и веру в магическое, расщепление Я с притязанием на всемогущество и одновременно — пассивность, истощенность, острую нужду в эмоциональной поддержке, нередко принимающую форму эксплуататорского, манипулятивного отношения, спроецированного на терапевта, а также примитивные механизмы психологической защиты в виде расщепления, проективной идентификации, идеализации и обесценивания. Обнаружение потребительских установок пациента на этапе установления первичного рабочего альянса или в кризисные моменты терапии может служить ценнейшей диагностической информацией и материалом терапевтической проработки неудовлетворенных ожиданий и разочарований пациента, его настоячивых требований и манипулятивного давления на терапевта, вплоть до использования инграции (эмоционального или «вещного» подкупа) и шантажа, вынуждающих терапевта испытывать тягостное чувство вины и занимать позицию «спасателя». Однако если рассматривать терапевтические отношения как диадные и даже — диалогические, тогда мощные спасательные чувства можно увидеть как непосредственный отклик на острое состояние нужды пациента в терапевте как «материнском контейнере». И если терапевт может «предоставить себя в распоряжение» в этом качестве на время (тактическое от-

ступление), то затем и сам, «напитавшийся» пациент будет готов к отношениям с большей сепарацией и ответственностью.

Предъявляемая нарциссическим пациентом (клиентом) цель «самосовершенствования и личностного роста» нередко является защитной маскировкой аутодеструктивного самоотношения и перфекционизма, свидетельствует о невозможности прямого запроса о помощи, поскольку субъективно ассоциируется с признанием собственной «слабости» (а признание даже частичной слабости и зависимости от другого человека опасны) и вызывает переживание «нарциссической раны» — краха собственного Я перед лицом опасности поглощения со стороны Другого. Иными словами, именно те качества психотерапевтической коммуникации, которым приписывается ответственность за позитивные изменения в терапии, у этих пациентов серьезно повреждены, в силу чего страдает надежность терапевтических отношений, снижается их «лечебный» потенциал и эффективность психологической помощи. Мы имеем в виду неспособность устанавливать и сохранять в течение длительного времени открытые, доверительные, исполненные ответственности и благодарности отношения с терапевтом, несмотря на испытываемые в процессе терапии естественные фрустрации и лишения, обусловленные ее организационными и этическими рамками, равно как и драматическими переживаниями, сопровождающими ее динамику. Кроме того, дефицит символизации сужает возможности использования преобразующей силы воображения и целебной силы слова в «контейнировании» травматического эмоционального опыта и его «детоксикации». Когнитивная дефицитарность и ослабленная способность к осознанию, рациональному мышлению и рефлексии накладывают существенные ограничения на принятие переносного смысла и условности психотерапевтической ситуации, вызывают импульсивный и малоуправляемый регрессивный перенос архаически инфантильных (и травматичных) моделей переживания и восприятия себя в отношениях с терапевтом, серьезно угрожают сохранению психической целостности и пациента, и терапевта. Парадоксальное сочетание дисгармоничных коммуникативных установок прилипчивой зависимости с враждебной самоизоляцией наряду с превалированием примитивных защит (отреагирования, расщепления, отрицания, проективной идентификации, грандиозности) мешает сохранять временную стабильность пси-

хотерапевтических отношений, смысловую последовательность и связность в проработке личностных конфликтов. В иерархии мотивов ценности самозащиты преобладают над ценностью самоизменения, что проливает свет на одну из причин упорных сопротивлений позитивным изменениям, так называемой «негативной терапевтической реакции», приводящей к деструкции психотерапевтических отношений, их преждевременному прерыванию. Напротив, стремление пациента (клиента) к достижению обоюдно разделяемого с терапевтом «фокуса» видения психотерапевтических целей на каждом из этапов психотерапевтического процесса, способность развивать и поддерживать отношения сотрудничества в драматически разворачивающемся процессе, удерживать организационно-этические рамки и ограничения психотерапевтических отношений в большей степени может свидетельствовать в пользу прогнозируемой эффективности психотерапевтической и консультативной помощи. Психотерапевтическая и консультативная помощь людям с подобными характерологическими особенностями требует учета личностных особенностей клиентов, сочетающих в себе уязвимость самооценки и «эмоциональный голод» с ограниченным доступом к принятию помощи из-за защитного обесценивания собственных усилий и недоверия к терапевту как Другому.

Надеюсь, читателям этой книги покажется интересным и поучительным наш опыт анализа конкретных психотерапевтических случаев, выполненный в разные годы становления автора как психолога-практика и психотерапевта; везде в текстах достоверность жизненных историй реальных людей и ход психотерапии излагаются по дословным записям-транскриптам, при том, что реальные имена и личные данные изменены. Именно реальные терапевтические случаи, равно как и самоисследование, а также интерес к истории и общественно-политическим событиям, любовь к литературе и кинематографу, всегда стояли «за» собственно научной мотивацией и составляли «интригу» и стимул моих научных изысканий. Естественно, авторский взгляд и известная пристрастность авторской позиции могут вызывать несогласие и критику.

Часть II — завершающий раздел книги (главы 6 и 7); в него включены работы, изданные в период 1970–1980-х годов, когда складывалась авторская исследовательская парадигма, создавались и апробировались разные методические подходы к изучению фено-

менов самосознания. Их републикация (с определенной редактурой) продиктована не только тем, что полученные в этих исследованиях данные о нарушении системных психологических механизмов регуляции переживания персональной идентичности (феномены нестабильности, «расщепления», «искажения» образа телесного Я, манипулятивного отношения к себе и Другому), до сих пор востребованные, являются ныне библиографической редкостью, но также и нашей потребностью представить историю становления профессионального и личного самосознания автора, этапы и кризисы развития собственной профессиональной идентичности.

В процессе создания этой книги, предполагавшей своего рода подведение итогов более чем тридцатилетнего опыта исследовательской, преподавательской и практической профессиональной работы, я, естественно, обращалась мыслями к тем, кто был моим кругом значимых Других, в общении, дискуссии с которыми (иногда — в воображаемом и символическом плане) рождались идеи и исследовательские проекты и кому мне бы хотелось выразить свою благодарность:

Блюме Вульфовне Зейгарник, которая ввела меня в область патопсихологии. Ее живые и полные драматизма рассказы о годах работы с К. Левином, ее пронизательность, тонкость клинического мышления, сплавленная с даром «вычерпывания» психологического знания из художественных произведений и наблюдений обыденной жизни, в значительной степени определили область моих профессиональных интересов и поисков;

А.Н. Леонтьеву, чьи фундаментальные труды по проблемам сознания, строения перцептивного образа, мотивации, пристрастности индивидуального сознания оказали большое влияние на формирование общей методологии исследования;

А.Р. Лурия, светящемуся энергией, всегда полному новых идей и заражающего энтузиазмом своих сотрудников и коллег;

Е.Д. Хомской, открытой любым дискуссиям, бескомпромиссной в науке и бесконечно ей преданной; с интересом и сочувствием встречавшей мои исследования;

Л.С. Цветковой, всегда доброжелательно относившейся к моим научным поискам;

В.В. Лебединскому, ранимому, с обостренным чувством совести, чуткому и невероятно эрудированному, беседы и дискуссии с которым мне памятни и дороги;

Ю.Ф. Полякову, значительно расширившему границы предмета патопсихологии; благодаря его содействию стали создаваться новые направления специализации, и в образовательные программы вошли курсы (в том числе — при самом активном участии автора) по психологической коррекции, консультированию и психотерапии;

Е.А. Климову (к сожалению, недавно ушедшему из жизни), декану факультета психологии МГУ в 1990 годы, активно содействовавшему развитию практической психологии, в том числе — немедицинской психотерапии и консультированию.

Коллегам по кафедре нейро- и патопсихологии: **А.С. Спиваковской**, основателю биотерапии и крупному специалисту в детской игровой психотерапии; пионерам в создании отечественной психологии телесности — **В.В. Николаевой**; **А.Ш. Тхостову**; **Л.С. Печниковой** — специалисту по детской психологии, одаренной обостренным даром сочувствия и помощи; **Н.С. Бурлаковой** и **И.М. Кадырову** — талантливым ученым, глубоко и разносторонне эрудированным, моим бывшим студентам и диссертантам; **Б.С. Братусю** — христианскому психологу и тонкому клиницисту; **А.Г. Асмолову** — пламенному ученому, организатору науки, гуманисту и человеку тончайших душевных качеств; **В.Ф. Петренко** — «мастеру полифонии сознания», одному из авторов психосемантического направления в психологии личности; **А.Г. Шмелеву** — вдохновителю современной психодиагностики в России и ее главному эксперту; бывшим коллегам по первой в Москве психологической семейной консультации — **В.В. Столину**, **А.Я. Варге**, **А.Ф. Копьеву**, в сотрудничестве с которыми создавались основы психологии практики и немедицинской психотерапии; глубоко уважаемым мною коллегам и оппонентам, создателям школы когнитивной психотерапии в России — **А.Б. Холмогоровой**, **Н.Г. Гаранин**; руководителям Институтов гештальт-психологии, **Д.Б. Хломову** и **Н. Долгополову**, вместе с которыми я прошла часть своего профессионального пути как практический психолог.

В символическом пространстве внутреннего диалога я неизменно обращалась к своим учителям и мудрым собеседникам: к Л.С. Выготскому; к классикам психоанализа и основателям современного психоанализа (клинической интуицией которых и изощренным анализом в описании клинических случаев я восхищалась и старалась учиться) — З. Фрейду, М. Кляйн, В. Био-

ну, Д. Винникотту, Х. Кохуту, О. Кернбергу; к авторам системной теории психологической дифференциации Х. Вернеру, Г. Виткину; представителям социально-когнитивного направления в психологии и исследователям индивидуальных различий в когнитивных стилях — Дж. Брунеру, Дж. Кляйну, под влиянием работ которых начиналась моя исследовательская деятельность, а также создателям теории коммуникации и метакоммуникации — П. Вацлавику, Г. Бейтесону, которые обогатили мои представления о бессознательных аспектах человеческого общения.

Я благодарна встрече с удивительно талантливым человеком, разносторонне одаренным психологом, недавно ушедшим из жизни, В.П. Зинченко, щедро делившимся своими энциклопедическими знаниями; а также заинтересованным комментариям (нередко критическим и всегда полезным) моего брата И.Т. Касавина.

Хочу поблагодарить также моих бывших учеников разных (иногда очень далеких) лет, ныне самостоятельных и успешных специалистов, работающих в разных областях прикладной клинической психологии, в преподавании, в психологическом консультировании в России и за рубежом: М. Гольдину, Г. Гапечкину, А.Н. Шурыгина, Г.А. Иванищук, кандидатов психологических наук Е.О. Федотову (к сожалению, ушедшую от нас), А.Н. Дорожевца, Е.П. Чечельницкую, О.В. Рычкову, И.Г. Чеснову, Леониду Деспо, Фотулу Лэонтиу, Е.Е. Рахманкину, С.В. Ильину, Ю.А. Сотникову, А.Р. Коршунову, П.В. Цыганкову, В.В. Парамонову, а А.С. Филимонову еще и отдельно — за помощь в подготовке рукописи к печати. Все они участвовали в исследовательской работе, со многими я имею совместные публикации. Я хотела бы также выразить искреннюю признательность издателю этой книги — Д.А. Леонтьеву, а также О.В. Квасовой, редактору этой книги, проявившей много внимания и терпения в нашей совместной работе.

Эта книга включает тексты, публикуемые впервые, фрагменты книг и статей, написанных автором самостоятельно или в сотрудничестве с многочисленным отрядом студентов и аспирантов, в разные годы выполнявших свои исследования под моим руководством. Всем им спасибо. За все, опубликованное в этой книге, я несу полную персональную ответственность.

Литература

- Алексиевич С. Время секунд хэнд. М.: Время, 2013.
- Амбициозные и бессмысленные // Эксперт. № 3. 13 января. 2014. Электронный ресурс: <http://expert.ru/forum/expert-articles/31308/?page=1>
- Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психол. исследования: электрон. науч. журн. 2012. Т. 5. № 26. С. 1. Электронный ресурс: <http://psystudy.ru>
- Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
- Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Белинская Е.П. Неопределенность как субъективное переживание радикальных социальных изменений // Социальная психология: актуальные проблемы исследований / Под ред. Е.П. Белинской, Т.П. Емельяновой. М.: Фонд Выготского, 2007. С. 43–62.
- Брунер Дж., Олвер Р., Гринфилд П. Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. П. Гринфилда. М.: Педагогика, 1971.
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора. М.: ИПЦ «Маска», 2011.
- Гусельцева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии // Психол. исследования: электрон. науч. журн. 2013. Т. 6. № 27. С. 2. Электронный ресурс: <http://psystudy.ru>
- Другой народ // besttoday. 2014. Электронный ресурс: <http://www.besttoday.ru/read/5183.html>
- Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вopr. психол. 2007. № 6. С. 3–20.
- Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45–54.
- Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. М.: Класс, 2000.
- Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы. Психол. исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 3(11). Электронный ресурс: <http://psystudy.ru>
- Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2011.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Лекторский В.А. Я // Новая философская энциклопедия. 2012. Электронный ресурс: <http://iph.ras.ru/elib/3606.html>